

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a dark green color, framing the central text.

Гость случайный

**Николай Степанович
Власов-Окский**

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Псевдоним: Власов-Окский, Н.; Власов-Окский, Н. С.

Настоящее имя: Власов Николай Степанович

Периодические издания:

Огонек, 1917;

Земля Советская, 1929;

Поволжье: альм. (Самара), 1924

Произведения:

Власов-Окский, Н. Песни народных нужд и горя. — Н.-Новгород, 1913. — ГАК РНБ: нет;

Власов-Окский, Н. Песни безвременья. — Тверь, 1917;

Власов-Окский, Н. Песни свободы. — Тверь, 1917; Изд. 2: 1919;

Власов-Окский, Н. Шутка дьявола: Стихотворения. № 4. — Тверь, 1918. — ГАК РНБ: нет;

Власов-Окский, Н. Рубиновое завтра: Стихи. — Тверь, 1920;

Власов-Окский, Н. Россия: Стихи. — Тверь, 1924

- [Николай Власов-Окский](#)

Николай Власов-Окский

Гость случайный

(Сергей Есенин)

С Есениным я был знаком пять лет. Познакомил меня с ним давний приятель его, тверской поэт, живший раньше в Москве, Н. П. Рогожин. Первая встреча состоялась в книжном магазине имажинистов на Никитской. По переезде моём в Москву мы встречались с Сергеем Александровичем в Доме Герцена, в ОГИЗе и на литературных вечерах. Особенно часты и продолжительны наши встречи были в 1924 году.

В предыдущем очерке я говорил о том, что Ширияевец давно звал меня в поездку по волжским городам, в частности в Тверь. Поездка эта не состоялась. Ширияевец умер. И вот в канун похорон волжского баяна Есенин, сильно расстроенный смертью друга, встретившись со мной в Доме Герцена, заявил:

— Не удалось поехать на Волгу с вами и Ширияевцем, поедem без него. Устроим вечер его памяти в Твери. Вы там работали. Спешитесь с никитинцами, чтобы они там организовали это дело. Пригласим с собою Орешина и Клычкова.

В день похорон Ширияевца мы с Есениным шли рядом за гробом поэта. В пути Сергей Александрович познакомил меня с Сергеем Городецким.

— Отходят крестьянские поэты, — говорил Есенин. — Очередь за мной.

Городецкий, тронутый этими словами, вспомнул петербургский период новокрестьянских поэтов, группу «Краса», которой он тогда руководил.

Когда гроб Ширияевца был опущен в могилу, Есенин одним из первых кинул традиционный ком земли на крышку гроба и с горестным лицом взял лопату и начал закапывать могилу друга.

Я написал никитинцам относительно вечера памяти Ширияевца. Они немедленно отозвались на наше предложение, и через несколько дней я, Есенин, Клычков и Орешин поехали в Тверь.

Вечер состоялся в Доме народа.

Мы поделились своими сообщениями о покойном волжском баяне, после чего вместе с тверскими поэтами читали свои стихи.

Есенин, вообще замечательно читавший стихи, особенно

трогательно прочел свое стихотворение, написанное в связи со смертью Ширяевца:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Слушатели неистово аплодировали Сергею Александровичу. Поэт вошел в большой раж и с подъемом прочел ряд своих новейших стихотворений.

На вечерке был известный еще по петербургским журналам критик М. П. Неведомский, живший теперь в Твери. Он долго беседовал в конце вечера с Есениным, а потом говорил о нем окружающим:

— Ах, какой большой талант, какой большой талант вырос на наших глазах!..

После вечера ужинали в ресторане «Кукушка», находившемся на территории городского сада. Ресторан был лучший в городе и ужины отпускал по ценам весьма высоким, так что посетителей здесь бывало не густо.

Ужинали на террасе, обращенной на Волгу. За соседним столом сидели московские артисты после только что оконченного ими концерта в городском театре.

Есенин узнал некоторых артистов и, затуманивший голову изрядной порцией пива, начал задирать их:

— Ар — ти — и — с — ты!.. То — же ар — ти — ис — ты!.. Какие вы артисты!?

Орешин останавливал охмелевшего поэта:

— Оставь, Сергей: попадешь в милицию...

Есенин не унимался.

Я всегда избегал встреч с Есениным, когда замечал его сильно выпившим. Я любил его видеть другим, таким, каким он выглядел из своей «Голубени» и вообще из докабацких стихов. Поэтому я поднялся с места и стал прощаться, и в первую очередь с ним. Он удивленно посмотрел на меня и, как бы что-то сообразив, спросил:

— Что, разве уже конец?

— Конец не конец, а лучше бы положить конец этому ужину...

— В таком разе — конец... — заявил он. — Пойдемте, ребята... только... где мы сегодня ночуем?

Ночевать всех приехавших пригласил к себе председатель Никитинского литературного общества М. С. Дудоров, но я на

улице отстал от них, не желая стеснять председателя и уже имея приглашение от других.

Утром мы встретились на вокзале.

Есенин стоял у буфетной стойки со стопкою пива в руке и, увидев меня, позвал:

— Пойдемте, продернем по стопочке... Мы вчера, после вас, еще хватили здорово!..

— Нужно обзавестись билетом, — отвечал я. — Поезд скоро пойдет...

— Там Орешин покупает...

— Он не знает, что я здесь, и берет билеты, наверно, только на троих. Так я уж пойду к кассе.

— Ну, идите.

Мы вошли в вагон. Поезд тронулся. Есенин стал придирается к Клычкову, подтрунивая над вычурным языком его сказки, прочтенной на вчерашнем вечере. Я и Орешин начали отвлекать его от этой темы. Он замолк, потом прилег на скамейку и мгновенно уснул. Через полчаса всхрапнули и Орешин с Клычковым.

Около Клина Есенин проснулся, совершенно отрезвевший, оглянулся на спящих товарищей, улыбнулся и стал закуривать. Закурив и неожиданно спросил:

— Вы никогда не бываете хмельным?

— Бываю, — ответил я, усмехнувшись.

— Что же вы как-то сторонились вчера? Я ведь хоть пьян был, но заметил... — признался он.

— Мне нравится видеть вас другим, — сказал я. — Поэтому и в Москве я не раз, видя вас охмелевшим, уходил...

— Правда?

— Правда.

— Ну, а сегодня... Я ведь отрезвел теперь... Сегодня, как сойдем с поезда, зайдемте в пивную и выпьем немного... всего по две бутылки пива...

— Хорошо.

Мы помолчали. Потом я спросил:

— Вот вы были за границей и ни разу не отобрали ваших впечатлений от этой поездки. Что бы это значило?

— Она, эта заграница, произвела на меня какое-то неприятное впечатление, — отвечал поэт, — может быть, потому, что я безумно люблю Россию. Когда я возвращался к границе и увидел черный хлеб и услышал русскую речь, меня не только ударило в слезы, — я зарыдал и упал лицом на землю. А кругом говорили: «Это ничего. Это бывает»...

Когда мы выходили из московского вокзала, Есенин

напомнил мне:

— Так пойдемте по парочке пива выпить...

— Пойдемте, — отвечаю. — Нужно сказать об этом и Орешину с Клычковым...

— Нет, пускай они идут...

Мы вошли в пивную на Каланчевской площади.

Потягивая прохладное пиво. Сергей Александрович говорил:

— Печатают меня теперь охотно и часто. Особенно Воронский. Он любит мои стихи. А одно время начали было затирать. Это — в период между народническими изданиями и «Москвой кабацкой»... Печатают. Но очень хочется иметь собственный журнал. Уже и название придумано: «Россиянин»... Я редактировал бы отдел стихов, а Клычков — прозу... Из Клычкова хороший беллетрист может выйти, только способствовать развитию его таланта надо... Уже и в Госиздате о журнале говорили. Отвечают: согласны, только ответственным редактором большевика назначим... И название журнала им не совсем... нравится...

Выпив, как условились, по парочке, мы покинули пивную и отправились каждый восвояси.

В 1925 году Есенин начал прихрамывать и не раз попадал в больницу. Все реже приходилось видеть его. Как-то летом встретившись с ним в ОГИЗе, я насилу узнал его: побледнел и как-то обезживел. Его сопровождал молодой поэт Наседкин. Но и тяжело больной поэт норовил крепиться и, говоря, улыбался, хотя улыбка была уже не прежняя, а какая-то страдальческая.

И вдруг — трагическая развязка!

«Англетер»... вскрытая вена... петля...

Громадное полотнище, растянутое по фасаду Дома печати: «Здесь находится тело великого национального поэта Сергея Есенина» — вызывало слезы. Утрата была слишком велика.

Ваганьковское кладбище. Громадная толпа провожающих, выкрики учащейся молодежи над закапываемой могилой:

— Прощай, Сережа!

Хотелось бежать и не слышать этого. Утрата была слишком велика.

Положен рядом с другом Ширяевцем.

* * *

Тверской «ужин», тверской вокзал и пивнушку на Каланчевской я упомянул не к тому, чтобы класть какое-то пятно на память ушедшего. Таких пятен немало положено в свое время

другими, да и сам поэт даже в стихах запечатлел кабацкий чад. Я же коснулся этих моментов как накипи, которая не шла к лицу этого голубоглазого юноши. Как видит читатель, я даже самому Есенину высказал это.

Осуждать же поэта я вообще не мог, ибо не знал, что толкнуло его к кабаку и в некоторый период времени — к кабацким стихам, в которых он называл себя даже хулиганом, и что, наконец, заставило его наложить на себя руки...

В искренность его «хулиганства» я никогда не верил. Трезвым он был деликатнейшим из людей, каких я знал.

Было ли здесь раздвоение личности, тоже не знаю. Да мой очерк — не исследование, он — лишь воспоминание о моих встречах с поэтом.

Из моей памяти почему-то не испаряются следующие строки Есенина:

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилища.

* * *

Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

* * *

Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Вот и написал я об этом «госте случайном» то, что мог.

1941